

Цянь Чэн хлопнул в ладоши, волнение переполняло его:

— Господи, что же это за человек такой, этот Сун Чуньцзин, что за ним столько влиятельных покровителей стоит!

Хэ Хоуцун обменялся с ним взглядами, и Цянь Чэн тихо спросил:

— От чьего имени ты пришёл?

— От имени Наследного принца. Его Высочество поручил мне кое-какое дело, касающееся лекаря Суна, я пришёл взглянуть на него. — Он огляделся по сторонам: место было тихим и укромным, лишь тогда он прикрыл рот рукой и сказал:

— Резиденция генерала тоже о нём печалится. Тот молодой господин лично называет его «наставником».

Цянь Чэн закрыл рот рукой.

Он переваривал информацию какое-то время, наконец выдавил:

— Твой сын, Сысин, разве тоже хотел стать его учеником?

Хэ Хоуцун опустил голову, посмотрел на сына, стоявшего в углу, и смущённо сказал:

— В прошлый раз в поместье Сун он сказал, что у него уже есть ученик, и отказал. Но мой сын не сдался, хочет подождать.

Цянь Чэн кивнул:

— Стоит подождать. Если станет его учеником, то в будущем действительно...

Хэ Хоуцун глубоко согласился и кивнул.

В зале Министерства наказаний было чисто, ни пылинки.

Князь Ли сидел на возвышении, отложив в сторону указ с поручением расследовать это дело.

Он обратился к помощнику министра:

— Приведи людей.

— Слушаюсь.

Помощник министра ответил и распорядился привести заключённых.

Пленники из Медицинской палаты вышли один за другим.

Выстроились в ряд на коленях.

Князь Ли откашлялся и с улыбкой произнёс:

— Все вы мне знакомы, но закон неумолим. Я сначала проявлю уважение, а потом перейду к силе. Скажите, есть ли у кого-нибудь что-нибудь добавить, отличное от показаний позавчера?

Глава Медицинской палаты, шедший первым, молчал, как и остальные.

— Хорошо, — Князь Ли кивнул. — Я всегда знал, что попадая в Министерство наказаний, не уйти без крови и не ломая кости.

— Начнём с... — Князь Ли посмотрел на тех людей, палец скользил по одному за другим и остановился на Лю Цзысяне. — Тебя. Начинай.

Глава Медицинской палаты вздрогнул, поспешно ударился лбом о пол:

— Невинны! Это рок, судьба. Госпожа Шу умерла от кровоизлияния, вызванного приливом крови к сердцу, Медицинская палата приложила все силы для спасения, но небеса решили иначе...

— Бей по рту, — прервал его Князь Ли, обращаясь к стоявшему рядом исполнителю-стражнику.

Стражник подошёл, замахнулся, два раза: «хлоп-хлоп».

В уголках рта главы Медицинской палаты показалась кровь.

Лю Цзысянь крикнул:

— Отец!

Князь Ли повернул голову к Лю Цзысяню, указал на него и так же произнёс:

— Бей по рту.

Стражник сделал как положено.

Звук ударов «хлоп-хлоп» разнёсся, сила была такой, что уши звенели.

В одно мгновение все присутствующие задрожали от страха.

— Не приказываю говорить — не смей открывать рот, — Князь Ли сидел прямо, с отвращением на лице прикрикнул:

— Я, князь, удостоил своим присутствием это грязное место не ради того, чтобы слушать вашу чушь.

Никто не смел сказать лишнего слова.

Князь Ли удовлетворённо кивнул:

— Хорошо, теперь твоя очередь, говори.

Он обратился к Лю Цзысяню.

Лю Цзысянь открыл рот, кровь смешивалась со слюной и капала вниз, окрашивая одежду.

Он взглядом косился в сторону, в полумраке Министерства наказаний, где все стояли на коленях, можно было различить, как он бросил на Сун Чуньцзина взгляд, полный мольбы о помощи.

Князь Ли проследил за его взглядом, незаметно окинув того взглядом.

Сун Чуньцзин почтительно стоял на коленях, голова была низко опущена, он даже не

посмотрел на Лю Цзысяня.

Лю Цзысянь кашлянул, отвёл взгляд, кровь свисала с подбородка, вид был жалкий и смешной:

— С тех пор как наложница Шу забеременела, она не была в моём ведении. Что происходило в середине, я действительно не знаю.

Князь Ли ничего не сказал, лишь кивнул в сторону Сюй Чжо:

— Ты говори.

Сюй Чжо чуть поднял голову, обнаружив, что говорят с ним, и запинаясь произнёс:

— Они... они хотели подставить меня, послали меня, новичка, смотреть за неустойчивым плодом наложницы Шу. Какие у них были намерения?

Князь Ли кивнул, указав на главу Медицинской палаты.

Глава Медицинской палаты был без сил, с трудом держась на коленях, произнёс:

— Не смел иметь дурных мыслей, я только распределял людей. Сюй Чжо красноречив, умеет угождать наложнице Шу, он самый подходящий, я его и послал.

Князь Ли молча посмотрел на последнего человека.

Погладил свою колючую щетину.

— А ты? — строго спросил он. — Есть что сказать?

Сун Чуньцзин по-прежнему держал голову опущенной и, словно понимая суть только по голосу, тихо произнёс:

— Низший чиновник с самого начала и до конца не прикасался к пульсу госпожи Шу, не знаю, здорова ли она, и в каком состоянии плод.

Князь Ли издал звук:

— О? Если так, значит, ты невиновен?

Сун Чуньцзин всё так же держал голову опущенной, голос звучал глуше обычного:

— Князь Ли мудр, виновен я или нет — решите сами.

Он ведь был вежлив, в словах не было ошибок.

Не обижал людей и не льстил.

Очень сложный собеседник.

Но Князь Ли проявил к нему большой интерес:

— Я не так умён, как думает лекарь Сун. Есть ли вина, зависит от поведения всех вас.

Сказав это, он поманил рукой того, кто стоял сзади:

— Принесите цитру.

Все вокруг удивились.

Слушать, как этот обычно мягкий и заявляющий о верности князь спокойно произнёс:

— Пока гроба не увидит — слез не прольёт, тогда... начнём с лекаря Суна.

Наследный принц тянул время уже пять дней, но так и не тронулся в путь.

Докладные записки с обвинениями лежали на самом видном месте в Императорском кабинете, их становилось всё больше.

Он постоянно откладывал.

Чиновники, считавшие себя лучше других, не могли стерпеть и отправляли докладные с указанием ошибок.

Дело докатилось до самого Императора.

Император хотел дать шанс Наследному принцу и не стал вникать.

Прождали ещё два дня, а он всё не ехал.

Император, стоящий на вершине власти, где никто не смел перечить, наконец рассердился.

Он, больной, беспокоился о наводнении на юге, тревожился из-за весенних холодов на севере, только что потерял наложницу и нерождённого ребёнка, а Наследный принц не даёт покоя.

От гнева руки его дрожали, он схватил доносы и, размахнувшись, швырнул их!

Дверь кабинета была открыта для проветривания, и докладные вылетели в открытую дверь, тяжело ударившись о землю.

Ветер покатал их по земле.

За дверью Императорского кабинета слуги в панике грохнулись на колени.

— Немедленно! Позовите Наследного принца! — в ярости закричал Император.

Главный евнух помчался не останавливаясь.

Маленький евнух тоже тихонько, словно уличная мышь, увидевшая кота, юркнул в сторону Дворца изумрудной прохлады.

Наследный принц пришёл первым.

Он откинул полы одежды и встал на колени:

— Отец.

Император сидел за столом, заваленным высокими стопками докладных, которые почти его закрывали.

Он, собравшись с силами, спросил:

— Из-за чего Наследный принц задерживает отправку?

Глаза Наследного принца чуть сощурились.

Не ответил.

— Я думал, ты занят, и прождал тебя два дня, думал, сам разберёшься, что важно, а закончив свои дела, тронешься в путь.

Император нахмурился, глаза покраснели, громко произнёс:

— Я даю тебе шанс, а ты сам не ценишь! Разочаровываешь меня!

Чем больше он говорил, тем больше злится, молчание Наследного принца ещё больше распалило его.

Он сильно ударил по столу, громко прикрикнув:

— Какое у тебя дело важнее, чем миллионы пострадавших людей?!

За дверью Императрица, проходя мимо лежащих на земле докладных, вошла в кабинет.

Она подошла к разгневанному царю зверей.

— Вся вина на мне, я плохо его воспитала, — эта величественная, в любой момент сдержанная женщина подошла к нему и встала на колени.

Император указал на неё:

— Императрица снова просишь за него?

Императрица вздохнула, но Император перебил её:

— Слишком добрая мать портит сына, это ты его избаловала!

Императрица держалась строго, косилась на Наследного принца.

— Это моя вина, — с безупречным макияжем, нахмурившись, произнесла она с полным достоинством:

— Наследный принц вчера собирался уезжать, но переживал за ваше здоровье, и я сказала, пусть останется ещё на день.

— Отец и сын связаны сердцем, когда ближе друг к другу — спокойнее на душе. — Императрица подняла голову, глаза уже покраснели.

Наследный принц после молчания наконец произнёс:

— Виноват, что разозлил отца-императора.

Император не ответил.

С холодным лицом посмотрел на мать и сына, стоящих на коленях.

— Вставай и говори, — сказал он Императрице.

Императрица встала, взяла чай, стоявший перед ним на столе.

Коснулась рукой и тут же сказала:

— Остыл, как вы служите?! Идите замените на горячий.

Главный евнух с холодным чаем быстро ретировался.

Императрица похлопывала Императора по спине, мягко помогая успокоиться.

— Ли Чэнь, — её губы были ярко-красными, выражение строгим, назвала она сына по имени. — Осознал ошибку?

Авторское примечание: Вы так настойчиво требуете продолжения, что это пугает. Я ведь могла бы написать десять тысяч иероглифов!

Ладно, хватит, не хвалите больше, а то вы действительно заставите меня написать десять тысяч иероглифов... я могу лысиной обрасти... нет, даже если голову оторву, не смогу дописать QAQ.

<http://bllate.org/book/17721/1656315>